

Взаимоотношения верующих и местных властей в 1930-е гг. в г. Иркутске
Чернова Елизавета Леонидовна
Студентка

Российский государственный гуманитарный университет, факультет архивного
дела, Москва, Россия
E-mail: kraevist@rambler.ru

Видится, что ликвидация института Церкви в СССР – процесс, который рассмотрен в историографии достаточно однобоко: основное направление изучения данного явления – анализ взаимоотношений Церкви и государства, но на втором плане остается роль верующих во взаимоотношениях этих структур, в то время как их существование – главное условие сохранения института Церкви. Цель работы – показать на фоне периода последних попыток отстаивания перед властями храмов взаимоотношения верующих (тех, кто входил официально в общины при храмах) с местными властями в г. Иркутске. Достижение данной цели важно, т.к. становится понятнее действительное положение людей, поведение которых было попыткой осуществления права на свободу совести и вероисповедания, данного советской властью, ставившей их в оппозицию государственным идеологическим догмам. Локальное рассмотрение конфликтов позволит глубже рассмотреть свойства конфронтации.

Г. Иркутск – удаленный от столицы областной центр. Представители власти в г. Иркутске к середине 30-х гг. стояли перед задачей закрытия последних храмов в городе, выполнение которой столкнулось с отчаянным сопротивлением верующих. Между тем действия властей были ограничены Постановлением Президиума ВЦИК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Изменения в административной системе, внесенные Постановлением, предусматривали решение церковных вопросов на местах так, чтобы представители центрального органа власти имели возможность регулировать действия местных властей в каждом регионе. Поэтому дела, связанные с закрытием храмов за 1930-е гг. представляют собой региональные комплексы, хранящиеся в ГА РФ в фонде Постоянной комиссии по делам культов при Президиуме ВЦИК (ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1.). Основой нашим рассуждениям служит анализ материалов дел о ликвидации Церквей Знаменской (ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Ед. хр. 445), Казанской Божией Матери (Там же. Ед. хр. 446)., Богородице-Владимирской (Там же. Ед. хр. 444.) в г. Иркутске. Каждое из этих дел заведено в связи с обжалованием верующими решения местных властей о закрытии храмов.

Иногда верующие не могли вовремя отправить жалобу, т.к. ничего не знали о закрытии, несмотря на то, что власти обязаны были своевременно предупреждать о закрытии церкви. Законодательство предписывает председателям Горсоветов при выявлении нарушения договора со стороны членов общины ходатайствовать перед Краевыми исполнительными комитетами, постановление которых решает судьбу храма, если верующие в течение 15 дней со дня постановления не обжалуют его в Президиуме ВЦИК (тогда все дело перенаправляется в Президиум для вынесения окончательного решения). Поэтому в каждом деле о закрытии конкретного храма содержатся жалобы верующих на задерживание заявлений о незаконности закрытия храмов. Именно задерживание жалоб в стенах горсоветов стало повсеместной особенностью механизма закрытия церквей, обусловленной самой административно-законодательной системой. В большинстве жалоб приводятся аргументации в пользу оставления храмов открытыми – эти доводы члены общин верующих считали необходимым привести перед высшими властями. Основной довод – он свойственен большинству жалоб – о недостатке для верующих молитвенных зданий. Члены общины верующих Богородице-Владимирской церкви г. Иркутска в 1934 г. пишут: «Храм наш обслуживает громадный район, т.к... он вмещает в себе 6 объединенных приходов, что влечет за собой... что и 2 этажа не

вмещали в себе всех молящихся» (Там же. Ед. хр. 444. Л. 4.). При последовательном закрытии церквей члены общин постепенно объединялись: количество общин уменьшалось, но их численность увеличивалась. С каждым годом жалобы звучат гораздо эмоциональнее, чем жалобы, выдержка одной из которых приведена за 1934 г. В 1936 г., при закрытии церкви Казанской Божией Матери, голос верующих звучит уже иначе: «На весь громадный Иркутск остался можно сказать один храм – Преображенский, в котором каждый обычный праздник происходит невообразимая давка. Верующие массы томятся физически и нравственно» (Там же. Ед. хр. 446. Л. 3.).

Здесь определяется их отношение к храму: им прежде всего важно сохранить место молитвы, красота храма для них божественна. Однако, поскольку мнение этих людей независимо от местных властей, то они открыто признают культурную и историческую ценность мест, в которых они молятся, и очевидно, что это становится еще одним стимулом в борьбе с властями. В жалобе, направленной во ВЦИК с попыткой отстоять Казанскую церковь, Верующие пишут: «Храм построен в 1892 г. известным сибирским благотворителем А.М. Сибиряковым, недавно умершим во Франции...» (Там же. Ед. хр. 446. Л. 3.). Отметим, что мысли членов общины верующих, которые писали эту жалобу, далеки от советской идеологической доктрины; они как будто и не замечают, что пишут о «буржуазном элементе», который «инициировал» строительство церкви. Прихожане этого храма хранят память о А.М. Сибирякове как о благотворителе, благодаря которому построен этот храм – памятник. В этом смысле в их отношении к храму, его функции просматривается свойственное верующим отношение к памятнику, о котором пишет А.В. Святославский: «Жизнь христианина, в отличие от атеиста, во многом ориентирована на прошлое, поскольку именно в прошлом дано было Откровение... древнейшими и наиболее типологически устойчивыми памятниками в Православии являются храмы – памятники...» (Святославский А.В. Традиция памяти в православии. М., 2004. С. 8 – 9.). Эстетика храма для верующих г. Иркутска состоит не только в его культурной ценности, но и в напоминании о сделанном на пути к спасению. Их мысли неподкупны, что выражается и в просторечивости эмоциональных возгласов: «Считаем нужным послать Вам, Михаил Иванович, и самый снимок нашего храма, чтобы Вы могли судить, насколько он прекрасен и можем ли мы не дорожить таким сокровищем, а не то, чтобы забросить его и привести в запустение, как представлено в освещении Крайисполкома». (ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Ед. хр. 446. Л. 3.).

Очевидно, что представители местной власти для них – враги, с которыми нельзя вести диалог, очевидны обида, раздражение. Но, заметим, в 1936 г., наблюдается безмерная наивность в надежде на помощь со стороны Михаила Ивановича. Обида адресована местным властям, потому как они попрали права верующих на свободу вероисповедания. Осознание этого права служило источником обиды, потому как борьба с религией велась открыто, но неофициально. Однако надежда, как мы видим из обращений верующих, на «спасение» храма, связана не с очевидностью их юридической правоты, а с незыблемостью их представлений о значении храма: незапятнанные в их глазах М.И. Калинин, И.В. Сталин и другие представители высшей власти чисты потому, что персонально не проявили вандалистического отношения к храмам. Изучение региональных комплексов показывает, что на территории всей страны верующие надеялись на помощь со стороны представителей центральных органов власти при абсолютном недоверии местной администрации.

Литература

1. ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Ед. хр. 444.
2. ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Ед. хр. 445.
3. ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Ед. хр. 446.
4. Святославский А.В. Традиция памяти в православии. М., 2004. С. 8 – 9.